

УДК 930+314.145+316.334.56

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПЕРВЫХ СТА ЛЕТ КОТОВСКА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

© Владимир Львович ДЬЯЧКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: mayormp@mail.ru

© Сергей Константинович ЛЯМИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: laomin@mail.ru

На основе традиционных, новейших и оригинальных массовых источников социально-демографической информации, сведенной в управляемые электронные базы данных, исторично проанализированы некоторые главные стороны уникального социально-демографического феномена тамбовского порохового завода – Котовска. Сочетание факторов острейшего аграрного перенаселения Тамбовщины начала XX века, обеспечившего повышенную социальную агрессивность региональной популяции, максимально мультипопуляционного и многонационального состава первопоселенцев и первых поколений котовцев, сравнительно высокого жизненного уровня в новом городе при инерции традиционной семьи привело к формированию и поддержанию в межвоенный период в Котовске высших в стране показателей плодovitости, рождаемости и естественного прироста. В силу того же синергизма в межвоенный период котовская популяция явила один из высших в СССР уровней социальной активности (агрессии), маркируемой новейшими исследовательскими приемами. Накопление котовской популяцией количественно-качественных потерь и деформаций (людские потери в репрессиях и войнах, переход к преимущественной иммиграции из тамбовского села и ускорение эмиграции лучших сегментов популяции, нарастание экологических последствий химического производства при замедлении прогресса социокультурной инфраструктуры, переход к модернистской модели семьи) принципиально изменило жизненный синергизм города и довело котовские демографические показатели до одних из худших в нынешней городской России.

Ключевые слова: город; село; популяция; социальная агрессия; синергизм факторов; маркеры социальной активности; массовые источники; электронные базы данных

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-137-150

Движение социально-демографической, социокультурной картинки Котовска уникально для Центра России XX века. Мы можем достаточно детально проследить его в зеркалах дореволюционной и загсовской жизненной статистики, скорбных персоналий различных Книг Памяти (КП) и обобщенного банка данных (ОБД) «Мемориал», опросов женщин, студенческих генеалогий, дневников, писем и воспоминаний котовцев. Но в связи с обилием научных новостей, предлагаемых Котовском, просим считать данную статью об особенностях формирования и «взрывных» эффектах его популяции первым шагом в демографический мир города, выросшего вокруг порохового завода.

¹ Статья подготовлена в рамках проектной части гос. задания в сфере научной деятельности Минобрнауки РФ (задание 33.956.2014/К) и при поддержке гранта РГНФ (проект № 15-01-00255).

В момент рождения поселка Тамбовского порохового завода (1914–1916 гг.) значительную (более половины) часть его начального населения составляли выходцы из-за пределов Тамбовского края². Причины их появления на стройке нового города различались: распоряжения власти, эвакуация и беженство из фронтовой полосы Первой мировой войны, иная стихийная миграция. В числе крупнейших экстра-региональных «вкладчиков» оказались западные и украинские губернии Российской империи, города Среднего Поволжья, Центра и Северо-Запада Европейской России. Соответственно, пестрым

² Даже через 25–30 лет после основания Тамбовского порохового завода (далее ТПЗ) доля родившихся в 123 населенных пунктах (69 регионов СССР) за пределами Тамбовской области составила 14,1 % в числе котовских солдат периода Великой Отечественной войны (ВОВ) (призваны в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) в Котовске).

был и национальный состав первопоселенцев стройки: русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, поволжские немцы, молдаване, австрийцы, чехи и словаки (из военнопленных), представители народов Кавказа и даже китайцы. Национально-культурные особенности китайцев и тогдашних евреев в сочетании с их множеством обеспечили появление в поселке «еврейских бараков» на его северной окраине и «китайского городка» – на южной.

Данный мощный молодой, «инородческий», «внетамбовский» сегмент сыграл огромную положительную роль как для формирующейся популяции Котовска и его округи, так и для социокультурного прогресса нового города. В демографическом синергизме «пришлые» из родственной европейско-христианской культуры и традиции замыкали местные популяции, дружно переходившие тогда грань вырождения, принципиально «освежали кровь» и улучшали «породу», обеспечивая большую плодовитость в смешанных браках, меньшую заболеваемость и смертность, лучшие антропометрические показатели потомства.

В социокультурном отношении «европейские» иммигранты несли гораздо более высокие культурно-бытовые стандарты, демографические и поведенческие модели, чем те, которые предлагало окружавшее поселок море тамбовской деревни. Так, доля родившихся (!) в городах за пределами Тамбовской губернии (причем в большинстве своем это были крупные региональные центры Польши, Белоруссии, Украины, Центра России и обе столицы империи) составляет в наших базах данных (БД) около 32 % иммигрантов на строительство порохового завода и Котовска. А в тамбовском сегменте работников и строителей Котовска уроженцев тамбовских городов (по нашим мемориальным БД – все из Тамбова) было в 1910–1940-е гг. всего 2,3 % – почти в два раза меньше доли горожан в Тамбовской губернии «образца 1917 г.». Наверняка выходцам из достаточно отсталой тамбовской деревни было к чему стремиться, подражать по части общего и семейно-брачного поведения, рабочей дисциплины, уровня культуры, устройства быта и иных культурных привычек у инженеров, техников, конструкторов, родившихся, выросших, учившихся, приобретавших опыт работы в Петербурге, Москве, Казани, Твери, Яро-

славле, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Одессе, Риге, Варшаве, Лодзи, Праге.

Сравнительно высокое социокультурное качество подобных иммигрантов закладывало и поддерживало относительно высокий технологический уровень производства, его научного, инженерного, энергетического сегментов, промышленного и транспортного строительства, образовательной, медико-санитарной¹ и остальных культурных составляющих. Но в тех секторах городской жизни, где доминировали «наши» крестьянские дети (жилье, внутренние дороги, благоустройство, торговля, снабжение, охрана предприятий и общественного порядка, дисциплина и качество труда рабочих низшего звена), уровень исполнения был заметно ниже.

Мы можем предложить два занятных «просчитанных» отражения такого «культурно-возвышающего» стремления тамбовских крестьян, связавших свои жизни с Пороховым заводом, к российскому модернистскому урбанизму первой четверти XX века.

Отражение первое, брачно-демографическое. Российская деревня и российский модернистский город вошли в XX век как принципиально разные системы жизнеобеспечения, два мира. Соответственно, разными были их брачные части, где перенаселенная деревня неизбежно подчинялась годовому природному сельскохозяйственному ритму и вынужденно, до поры – церковным традициям и санкциям, а город жил в ритме ежедневной нормированной работы с регулярными выходными, праздниками и летним отдыхом. Потому 90 % «молодеющих», вопреки модернизации семей, крестьянских браков неизменно заключалось поздней осенью и зимой с уже сильно мешавшим семинедельным разрывом на Рождественский пост и Святки. Горожане, в свою очередь, в поле не работали и распределяли свои свадьбы более ровно по месяцам и сезонам с заметным предпочтением поздней весны и лета [1; 2]. Что же делают с временем своих свадеб наши сельчане, связавшие жизнь с ТПЗ, в первые же послереволюционные годы, годы Гражданской войны?

¹ Уже к Гражданской войне поселок ТПЗ располагал современной по тем временам больницей со специализированными отделениями, включая родильное, с полным штатом медицинских работников. Только врачей с университетским образованием было 6.

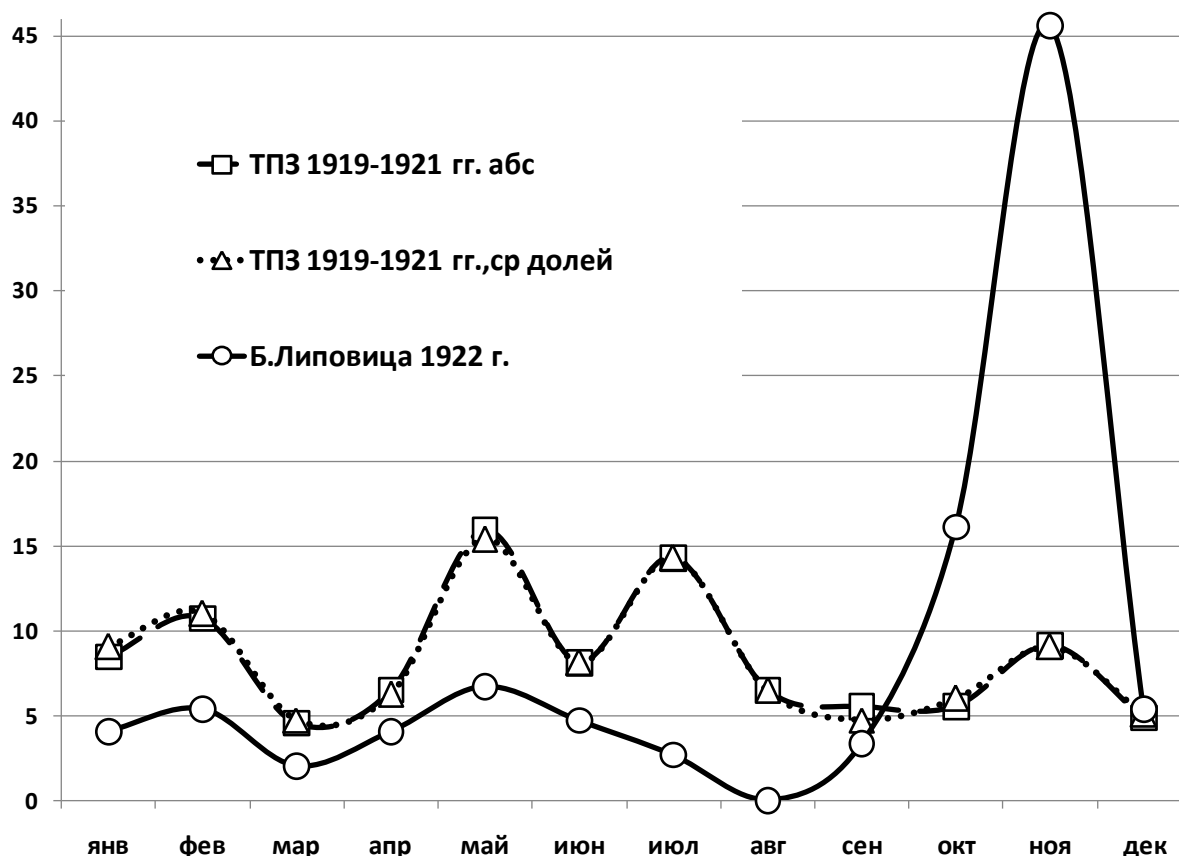

Рис. 1. Сезонное распределение браков в поселке ТПЗ в 1919–1921 гг. и в сельских населенных пунктах Большелиповицкой волости в 1922 г.

Как видим, пары, зарегистрировавшие свои браки на ТПЗ в 1919–1921 гг. (напомним, что тогдашние «заводские» невесты были на 40 % из тамбовской деревни, выходцами из села было и подавляющее число женихов и остальных невест), немедленно перешли на выраженный городской брачный ритм с почти половиной браков в мае–августе. Также немедленно основоположники Котовска презрели недавние церковные запреты на свадьбы в Великий и Рождественский посты, наращивая год от года доли браков в марте (с 2 до 7 %) и декабре (с 3 до 7 %) в 1919–1921 гг.

Браки в сельских населенных пунктах Большелиповицкой волости, питавших ТПЗ большинством работников, в 1922 г. в целом сохранили традиционный крестьянский брачный ритм – почти 72 % браков заключены в октябре–январе с «правильными» ноябрьским пиком и минимумом июля–августа. Так и должно было быть – они оставались

крестьянами, а годовой сельскохозяйственный ритм никто не отменял. Вместе с тем мы видим 10 советских регистраций браков в «постных» марте и декабре, причем они сочетались с венчаниями в еще действующих церквях. Многовато для деревни оказалось и браков в мае и июне, тем более, что в 1922 г. июнь почти весь был «накрыт» Петровским постом. Столь ранний «взлом» традиции объясним лишь светско-урбанистской индукцией ТПЗ.

Отражение второе, ономастическое. В XX век российские город и село вошли с медленно сближавшимися, но еще с кардинально разными системами наречения, что было результатом движущейся смеси обычной и революционной моды, подражания наречению в социальных «верхах», суеверий, семейных традиций и церковного «предложения» [3]. Первая десятка городского наречения девочек (от 7,8 до 3,3 % всех городских наречений) в 1913–1919 гг. сложилась

по нисходящей из *Валентины, Мариц, Клавдии, Александры, Нины, Ольги, Лидии, Любови, Веры* и *Антонины*. Сельская первая женская десятка (от 15,4 до 2,7 % всех сельских) в то же семилетие зафиксировала *Марию, Анну, Евдокию, Анастасию, Пелагею, Александру, Екатерину, Татьяну, Клавдию* и *Елену*. Городская первая десятка наречения мальчиков (от 12,1 до 3,5 %) была в 1913–1919 гг. такой: *Николай, Александр, Владимир, Василий, Иван, Виктор, Борис, Алексей, Михаил, Евгений*; сельская (от 15 до 3 %) – *Иван, Николай, Василий, Михаил, Александр, Петр, Алексей, Григорий, Федор, Павел*.

Но что мы видим в наречении детей в 1919 г. в **селах** Большелиповицкой волости? Девочки, первые 5 – *Мария, Александра, Анна* (первые 3 – более 50 % наречений), *Клавдия, Любовь, Екатерина* и 6–10 места – *Анастасия, Валентина, Вера, Надежда, Наталья*. Мальчики, первые 3 (58,4 % наречений) – *Александр, Владимир* (20,8 %), *Николай*, 4–10 места – *Алексей, Иван* (7,8 %), *Виктор, Петр, Василий, Евгений, Аркадий, Борис*. Такое наречение в крестьянской среде в 1919 г. было не просто следованием городской ономастической моде, воплощенной в особенном социальном составе Порохового завода, но и ее опережением именами, которые достигнут своих модных городских пиков лишь через годы.

Совпадающую ономастическую картинку демонстрирует и поразительный качественный скачок в наречении погибших солдат из ОБД «Мемориал», указавших местом рождения Котовск, хотя на деле подавляющее большинство их родилось в ближних к пороховому заводу селах. В группе родившихся в 1894–1917 гг. первые 10 (от 13,4 до 3,2 %) составили *Иван, Николай, Василий, Михаил, Александр, Петр, Андрей, Алексей, Егор, Павел* – типичный деревенский рейтинг тех лет. Но случилась революция 1917 г. – и в наречении группы родившихся в 1918–1926 гг. произошел переворот. Послереволюционная первая десятка (от 13,7 до 2,8 %) сложилась в виде: *Александр, Николай, Владимир* (10,8 %), *Василий* (6,5 %), *Иван* (5,8 %), *Петр, Сергей, Анатолий, Борис, Михаил*. Вдруг звучавшие слишком по-деревенски *Андрей (!), Афанасий, Герасим, Давыд, Даниил, Евсей, Захар, Илья, Клим, Макар, Матвей, Мефодий, Никанор, Прокофий, Роман, Савелий, Севастьян,*

Сидор, Спиридон и Филипп вообще выпали из наречения крестьянских строителей Котовска. Естественно, улетучилось наречение «по святцам».

Данное модернистско-урбанистическо-советское воздействие строившегося Котовска тем более поразительно, что общероссийская сельская первая десятка наречений 1919–1926 гг. выглядела как *Иван* (13,3 %), *Николай* (13,2 %), *Василий* (9 %), *Михаил, Александр, Алексей, Петр, Владимир, Сергей, Павел*, то есть изменилась от предшествовавшего 7-летия лишь подъемом *Владимира* (из-за роста популярности В.И. Ленина) и *Сергея* на места *Григория* и *Федора*.

Укажем и скачок – до преобладания в 50–60 % – доли намеренного двучленного и трехчленного аллитерационно-ассонансного наречения в семьях сельских строителей Котовска, в то время как в остальной тамбовской деревне тех лет оно подросло лишь до 30 %.

Вместе с «иногородними», остальную, большую и стремительно растущую часть первопоселенцев и первых работников заводского поселка образовали уроженцы и жители ближних сел и деревень Тамбовского уезда. Более 90 % тамбовских «вкладчиков» будущего Котовска родились (или продолжали жить, если до работы было недалеко для пешего хода) в зоне внутри неровного, разрезанного полосой Цнинского леса и вытянутого к югу круга площадью около 5 тыс. кв. км, отграниченного селами (против часовой стрелки с севера) Горелое, Сурава, Лысье Горы, Козьмодемьяновка, Беломестная Двойня, Богословка (Тамбовский район), Ольховка, Измайловка (Знаменский район), Ивановка, Солонцовка, Кензарь, Перикса (Сампурский район), Коптево, Верхне- и Нижне-Спасское, Рассказово, Саюкино (Рассказовский район), Большая Талинка (Тамбовский район). При этом внутри данного круга очевидна концентрация ближних (не далее 15 км) к пороховому заводу сел нынешних Тамбовского, Знаменского и Рассказовского районов, обеспечивших подавляющую (более 80 %) долю котовцев из тамбовских сел (рис. 2).

Чем ближе было село к строительству завода и его поселка, чем удобнее был путь к ним, тем больше оно отдавало им своих жителей.

Рис. 2. Главные субрегиональные зоны «поставки» тамбовских демографических ресурсов в ТПЗ-Котовск на фрагменте контурной карты Тамбовской области

Потому на недосягаемо первом месте оказывалось примыкавшее к строительству и будущему городу село Кузьмино-Гать. Его жители, находясь от завода через реку всего в 1–2 км, в значительной доле не переезжали в поселок и ходили через мост на работу из своих сельских домов. Таковых – 12,3 % по Книге Памяти Котовска, а вместе с уроженцами Кузьминки, перебравшимися на постоянное жительство в заводские бараки, доля выходцев из с. Кузьмино-Гать составит не менее четверти населения Котовска.

Следующими крупнейшими (более 1 % каждое по спискам КП Котовска) вкладчиками в формировавшийся Котовск стали (по нисходящей) с. Никольское (Знаменский район), южные пригороды Тамбова, Большая Липовица, Бокино (Тамбовский район), Верхние Пады, Царевка, Княжево (Знаменский район), Коптево (Рассказовский район). Их суммарная доля составила 14,6 %.

Суммарная доля выходцев из других сельских районов Тамбовской области оказалась менее 8 %, хотя общее число региональных тамбовских населенных пунктов, давших своих уроженцев Котовску, превысило 160.

Вообще не представленными в Котовске оказались лишь северный и западный сегменты Тамбовского региона, так как в своем

«побеге» из родных мест они были ориентированы на свои субрегиональные центры (Моршанск, Козлов, Липецк) и на дальнюю эмиграцию из региона «от Москвы до самых до окраин».

У демографического значения представленного расклада котовских «доноров» есть, как минимум, две составляющие. С одной стороны, множество микропопуляций, питавших Котовск, весьма способствовало улучшению демографического здоровья новорожденного города. Смешанные браки представителей разных народов и русских популяций¹, молодое активное население, притекавшее в поселок Тамбовского порохового завода, лучшие (по сравнению с сельской округой) бытовые и медико-санитарные условия в совокупности давали замечательные демографические результаты. Так, индекс прироста (Покровского–Пирла) и индекс плодовитости брака на отрезке 1927–1941 гг. составили в среднем 2,26 и 3,76 пунктов соответственно, в полтора раза превышая подобные показатели в тамбовских селах, не говоря уже о старых городах региона.

Даже в Великую Отечественную войну и первые годы после нее Котовск за счет более молодого населения имел наибольшую рождаемость и наименьшую смертность среди всех населенных пунктов региона (рис. 3).

И хотя межвоенное движение индекса прироста имело общий нисходящий тренд (с 4,5 в 1927 г. до 2,1 в 1941 г.; «военно-революционную» фазу 112-летнего природно-демографического цикла нельзя было «выключить» [4]), то индекс плодовитости брака в Котовске 1920–1930-х гг., отражая преобладание молодых плодovitых семей, рос от 2,5–3 в конце 1920-х гг. до 4,5–5,5 в 1939–1941 гг.

Рождаемость в Котовске накануне Великой Отечественной войны составила 50,4 ‰, в то время как в среднем по области она была

¹ Например, взятые подряд пары молодоженов, зарегистрировавших брак на ТПЗ в ноябре–декабре 1920 г.: Александр Русакевич (белорус, красноармеец) и Мария Чернышева (тамбовская домохозяйка), Адольф Скрупский (поляк, слесарь) и Ольга Родионова (русская, конторщица); Николай Никитин (русский, техник-конструктор) и Ольга Боровская (полька, машинистка); Хамурзе Цаликов (осетин, красноармеец) и Татьяна Рыжова (чernорabочая); Иосиф Боровский (поляк, помощник машиниста ГубЧК) и Мария Рюмина (русская, моторщица).

в 1938 г. 33,2 %, по отдельным селам колебалась в зависимости от конкретно-исторического наследия и состояния в «вилке» 20,3–50,1 % (32,6 % в среднем в замере за 5 лет 1937–1941 гг.). В остальных городах области предвоенная рождаемость в промилле выглядела так: Рассказово – 17,0; Кирсанов – 24,4; Моршанск – 27,3; Тамбов – 29,3 и Мичуринск – 29,6.

Вместе с тем появление рядом стремительно растущего, относительно большого города с множеством национальностей и выходцами из сотен микропопуляций здорово выручало села, ближние к Котовску. Дело в том, что в начале XX века в сельских популяциях Тамбовщины, как и в остальных перенаселенных аграрных регионах России, набирали силу опаснейшие тенденции, ведущие в демографическом отношении к деградации и вырождению, а в социальном – к нагнетанию массового стресса, переходившего в нарастание столь же массовой социальной, политической и прямо криминальной агрессии крестьянства [5].

Симптомы и залогов потенциала вырождения перенаселенных популяций видны в непрерывных линиях жизненной статистики отдельных сел. Под давлением нагнетавшегося перенаселения, усугублявшегося малоземелья, при мешавших церковных брачных санкциях и значительном природно и социально обусловленном избытке невест деревенские семьи развивали «гонку за женихами», что приводило к контрмодернистскому предельному – к тогдашним биологическим порогам плодовитости в средних 16,4 года возраста менархе – понижению возраста молодоженов, росту до преобладания доли пар, в которых невеста была старше жениха, и что хуже всего – к поиску супруга среди все более близких кровных родственников. Так, в браках той же Кузьмино-Гати на отрезке в 15 лет до начала строительства ТПЗ доля пар, в которых девичья фамилия невесты совпадала с фамилией жениха, выросла в 8 (!) раз, доля женихов моложе «законных» 18 лет выросла до 17 %. 45 % невест были 17-ти лет и моложе, еще 48 % невест было по неполным 18–19 лет. В конце 1910-х гг. деревней был пройден пик естественной женской плодовитости (индекс I_g), и природа запустила механизм ее снижения (365 около 1911 г. и уже 301 в 1916 г. при наличии мужской пары

у женщин 16–39 лет). Налицо была и обратная социальному прогрессу антропометрическая деградация деревни (снижение веса плода, запоздалое физическое развитие, малый средний рост взрослых, недостатки телосложения, болезненность и т. п.).

Строительство большого завода и его городского поселка стало для ближних сел демографическим и социальным спасением. Оно размыкало стесненные брачные круги и избавляло от их пороков, принципиально решало «проблему женихов», благо в начальном населении ТПЗ молодые плодовитые мужчины были в явном большинстве.

Немаловажным социальным лифтом и облегчением для крестьянина оказывалась простая смена деревенской жизни на удобства и прелести городской, хотя ими – «прелестями и удобствами» – и было долгое, порой на десятки лет жизни поколений рабочей семьи, обитание в многоквартирном деревянном бараке вплоть до желанного переселения в кирпичный многоквартирный дом.

Решалась и проблема накопившейся деревенской агрессии, раз наиболее активная часть перенаселенной округи массово «сбрасывалась» в быстрорастущий город. Не случайно эта округа практически не приняла участия ни в антибольшевистских мятежах осени 1918 г., ни в «антоновщине» 1920–1921 гг., которая как раз разгорелась в остальном пространстве тамбовского «демографического мешка». Причем повышенная социальная агрессия новоиспеченного «пороховика» никуда не исчезала – она канализировалась, реализовывалась в «правильном» советском русле. И эту гармонию агрессии можно, при должной методической сноровке, «проверить алгеброй» наших БД.

Один из способов выявления повышенной социальной агрессии по маркеру «модного», «амбициозного» наречения и исключительно высокого места молодой котовской популяции в данном рейтинге мы уже продемонстрировали. Другими маркерами служат количественно-качественные характеристики миграций, понимаемые как реализация социальной агрессии активных частей популяции. Маркерами общего миграционного баланса могут служить доли иммигрантов в котовском призыве в РККА периода ВОВ и доли эмигрантов в числе уроженцев Котовска, считываемые по ОБД «Мемориал»

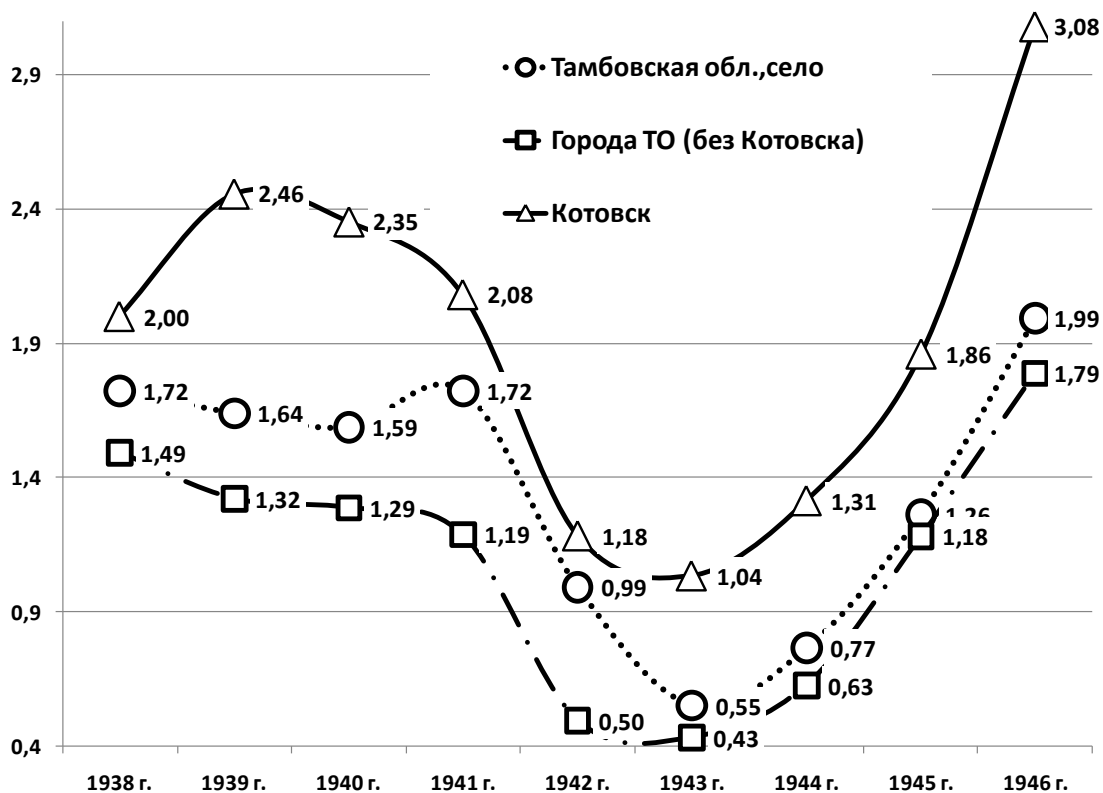

Рис. 3. Движение индекса прироста в 1938–1946 гг. в Котовске, в остальных городах и в сельской местности Тамбовской области

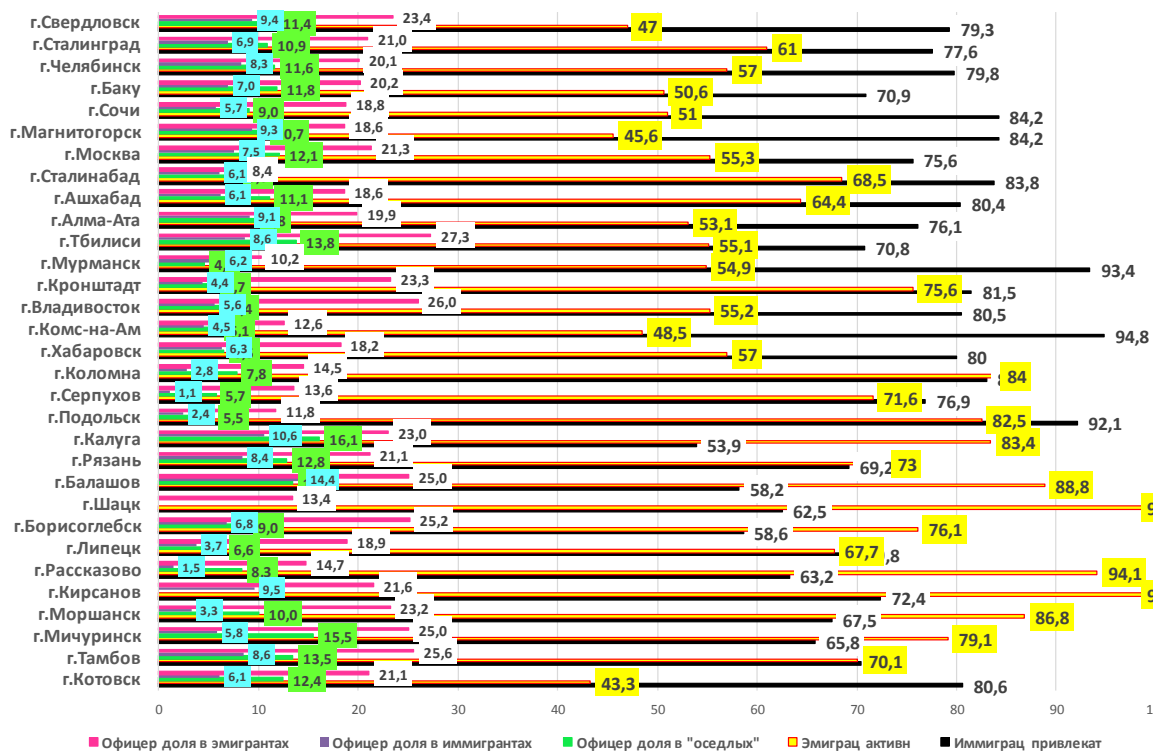

Рис. 4. Сравнительные индексы социальной активности (агрессии) жителей и иммиграционной привлекательности города в межвоенном миграционном балансе 31 города СССР (источник: ОБД «Мемориал»)

(первые два индекса на рис. 4). Маркерами социальной агрессии, считываемыми по тому же источнику, могут служить «офицерские доли» в числе иммигрантов. Условием выборочного сравнения было исключение искажающего фактора длительной оккупации города противником в годы ВОВ.

Как же выглядит Котовск в этой чрезвычайно конкурентной «компании»? Ответим сразу – весьма достойно. По всем названным индексам социальной активности (агрессии) в межвоенный период котовцы находились в первой десятке советских городов.

По индексу привлекательности жизни в родном городе (наименьшая доля эмиграции уроженцев) межвоенный Котовск вышел на 1-е место в стране с тогдашним чрезвычайно подвижным обществом. Также котовская популяция была в «топе» по всем трем «офицерским» индексам как маркерам социальной агрессии. А если учесть и «женские доли» в призыве/потерях ВОВ, то Котовск лишь закрепит общесоюзное первенство по «олимпийской» сумме мест рейтингов проявлений социальной агрессии: 0,52 % женщин в погибших уроженцах Котовска при соответственных 0,37, 0,36 и 0 женщин в военных потерях ближайших соперников по привлекательности в лице Магнитогорска, Свердловска и Комсомольска-на-Амуре.

Рис. 4 и табл. 1 показывают, что по совокупности всех индексов социальной агрессии юный Котовск стоял рядом, прежде всего, с главными и старшими по возрасту уральски-

ми центрами. Попадание тамбовской «пороховой» популяции в эту «взрослую» компанию обеспечили общие факторы индустриализации/урбанизации и разнорациональной и мультипопуляционной структуры городов-лидеров социальной активности. А абсолютно лучшую сумму рейтинговых мест Котовску синергически обеспечило общее аграрное перенаселение Тамбовщины и примыкание ТПЗ к западной стороне регионального «демографического мешка», в котором строительство нового города, хоть и не разорвало «воротник» из ближайших к Тамбову сел, но пробило несколько «дырок»-клапанов сброса части избыточного молодого агрессивного крестьянства.

История предоставляет нам замечательный образец для демонстрации работы разных комбинаций факторов в описанном синергизме социальной агрессии, вскипавшей и выплескивавшейся в «военно-революционной фазе» 1904–1905 – 1946–1947 гг. Это – ровесник Котовска почти таких же размеров накануне ВОВ и с точно таким же пороховым заводом – г. Рошаль в восточном углу Московской области. Преодолевая хитросплетения армейского призыва (уроженцы Рошалья призывались в РККА Кривандинским, Рошальским и Шатурским районным и городским военными комиссариатами (РВК и ГВК), получаем первенство Рошалья (за счет привлекательного нахождения в Московской области) только по индексу иммиграции – 94,9 против **80,6** у Котовска. По

Таблица 1

Рейтинг городской межвоенной социальной активности в выборке из 31 города СССР: первые 13 по индексу эмиграции уроженцев

Город/Рейтинги индексов активности	Эмиграция уроженцев	Иммиграция	Офицеры в эмигрантах-уроженцах	Офицеры в иммигрантах-уроженцах	Офицеры в «оседлых» уроженцах	Сумма мест
Котовск	1	9–12	11–14	12–15	6	42,5
Магнитогорск	2	4–6	20–22	3–6	13–14	46
Свердловск	3	13–15	7–10	3–6	9–12	41,5
Комсомольск-на-Амуре	4	1	29	25–26	27	86,5
Баку	5	20–22	15–16	12–15	9–12	65,5
Сочи	6	4–6	20–22	24–26	21–23	79
Алма-Ата	7–8	17	17	7	20	68,5
Мурманск	7–8	2	30	12–15	31	84
Тбилиси	9–11	20–22	1	8–10	3–5	45
Москва	9–11	18	11–14	11	8	59,5
Владивосток	9–11	9–12	2	24–26	27	74,5
Челябинск	12–13	13–15	15–16	8–10	9–12	61,5
Хабаровск	12–13	13–15	20–22	12–15	25–26	86,5
Тамбов	18	20–22	3–4	8–10	3–5	55

всем остальным индексам социальной агрессии Рошаль с его пороховым заводом, явно выигрывая у соседнего первенца торфяной энергетики – Шатуры, существенно – до полутора-двух раз – проигрывает Котовску (котовские индексы – в знаменателе): эмиграция – 59,4/43,3; доля офицеров в «оседлых» – 7,6/12,4; доля офицеров в иммигрантах – 4,3/6,1; доля офицеров в уроженцах-эмигрантах – 16,4/21,1, «женская доля» – 0,22/0,52. Для конкуренции с Котовском по социально-активной части Рошалю не хватало ни аграрного перенаселения на стыке Московской, Владимирской и Рязанской областей, ни пышущего агрессией подпирающего «демографического мешка» с обострениями «женских атак», ни популяционного разнообразия формировавшейся «пороховой» рошальской популяции (на строительстве и в работе Рошальского ПЗ использовались жители родного субрегиона), ни крупного города поблизости. Да и четырехкратно меньшая (по сравнению с ТПЗ) отдаленность от Москвы – цели амбициозных мигрантов – здорово сбивала социальную агрессию в оставшихся на «крайнем» востоке столичного региона.

Но вернемся к нашему Котовску, к его прямым и обратным связям с селом, питающим популяцию ТПЗ.

Не только новый промышленный город «с чистого листа», без полудеревенской, «феодальной» предыстории влиял на сельскую округу и на тех сельчан, которых он вбирал в себя. То было взаимовлияние миров. И если родину нельзя было унести на подошвах сапог или лаптей, то деревенские «замашки», инерцию сельских жизненных ритмов, крестьянского образа жизни – вполне. Мы уже упоминали «вредное» воздействие сельских приливов Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны, коллективизации на хозяйственные и социальные сектора Котовска [2]. Добавим лишь, что «непролетарские» привычки проявлялись в режимном городе даже в самые строгие сталинские и военные годы.

Так, 3 июля 1941 г. обком ВКП(б) просил ЦК ВКП(б) немедленно отозвать 400 человек из стройбатальона при заводе № 204, ибо они были судимы по разным статьям УК РСФСР или происходили из крестьянских репрессированных семей [6, л. 105].

В марте 1942 г. облпрокурор составил докладную записку о нарушениях в военное время трудовой дисциплины на заводе № 204, предписывавшейся пресловутыми «драконовскими» указами июня 1940 г. и декабря 1941 г. В записке говорилось о 204 прогулах и 61 самовольном оставлении работы, совершенных работниками завода (203 мужчины, 62 женщины; 224 беспартийных рабочих и 7 служащих, 34 комсомольца и коммуниста) с июня по ноябрь 1941 г. Динамика нарушений трудовой дисциплины в военное время на военном заводе была резко восходящей: от 4 нарушений в июне до 101 в ноябре. После соответствующего ужесточения дисциплины в самую тяжелую военную зиму нарушений трудовой дисциплины на заводе стало меньше, но они не исчезли, хотя наказания были суровыми. В январе 1942 г. их зафиксировали 40, в феврале 1942 г. – 50 [7, л. 14-18].

В обкомовском отчете 1944 г. по обеспечению заводами области в 1943 г. РККА боеприпасами и снаряжением после заслуженных похвал заводу № 204 первым серьезным недостатком стояло: «Неудовлетворительное состояние с трудовой дисциплиной. Это особенно относится к заводу № 204 и к мотороремонтным заводам...» [8, л. 38].

В 1952 г. на заводе № 204 было совершено 187 прогулов? и 15 человек дезертировали с производства. Также было зарегистрировано 264 случая нарушений спецрежима, в том числе задержан в пьяном виде 121 человек. С хлебокомбината было уволено за нарушение правил внутреннего распорядка, прогулы и невыполнение распоряжений 9 человек [9, л. 59].

Влияние города на семьи тех, кто ходил на работу в Котовск из ближних сел, было незначительным. Те, кто перебирался к заводу навсегда, еще долго – по привычке или по нужде – пытались восстановить в городе привычный сельский уклад: строили частные дома с огородами, перетаскивали домашний скот, женились в родных селах и т. п.¹ Если

¹ Из записной книжки Н.Ф. Мартынова, крестьянина с. Нижнеспаское (18 км от Котовска по прямой): «1916-го августа 10-го Михаил поступил на «Красный боевик» <...> 1922-го ноября 13-го дня стар. стилия венчался Михаил Федорович Мартынов с Анной Федоровной. <...> 1933 г. августа 28-го отведена корова на «Красный боевик». Из военных воспоминаний Н.А. Филипповой (дочери зав. сельским РОНО, по-

брачный ритм сельчан, переезжавших на пороховой завод, немедленно становился городским, то модель семьи у многих оставалась крестьянской. Так, из 37 детей, рожденных на ТПЗ с 5 декабря 1918 г. по 10 февраля 1919 г., 16 были первыми детьми у своих родителей, трое – вторыми, шестеро – третьими, двое – четвертыми, шестеро – пятыми и по одному – 10-м, 13-м и 17-м. При этом родители являли собой тамбовско-интернациональную смесь: среди 33 известных отцов было 4 поляка, по два латыша и белоруса и один западный украинец. Правда, четыре женщины оказались матерями-одиночками – одна вдова и три незамужних, что было совсем «по-городскому».

Наши 7 «анкетных» женщин, родившихся в тамбовских селах в 1901–1922 гг. и переехавших в юности в Котовск, родили в среднем по 3,3 выживших ребенка. При этом та, что родилась в 1901 г., родила 6 живых детей при двух мертворожденных, а женщина 1917 г. р. не родила больше одного ребенка только потому, что ее муж погиб на войне.

Сравнительное социально-демографическое и социокультурное благополучие Котовска в 1922–1940 гг. (даже в смертный го-

гибшего в 1945 г.), жившей первые годы ВОВ в с. Коростелево Мучкапского района (130 км от Котовска): «...Жить было очень сложно и трудно. Сестра, Женя, ходила за много километров пешком учиться в средней школе в с. Чашино, так как у нас в с. Коростелево была только неполная средняя школа. Дорога в школу была очень-очень длинная, где-то 10 км, но она очень хотела получить среднее образование. И вот мамина сестра т. Варя, которая жила в Котовске, уговорила маму и дедушку переехать к ней жить, где есть средняя школа и ремесленное училище, куда и поступил брат Борис. Но когда мы переехали в г. Котовск, то от увиденного долго не могли прийти в себя. Всей правды т. Варя нам не сказала. Мы попали в страшную ловушку. Жили тринадцать человек в однокомнатной квартире, все наши запасы были быстро истрачены, на работу мама не могла устроиться, да и т. Варя всячески этому препятствовала, словами не описать, это нужно видеть. Дедушка настоял, чтобы мы стали строить дом, строить для себя, т. Варя и здесь участок земли оформила на свое имя. Мы начали строиться, то было ужасное зрелище. Была засуха, кушали речные ракушки, не было хлеба, и опять нас выручала наша корова, которую мама перегнала пешком в г. Котовск из Коростелева. Брат, Борис, окончил ремесленное училище, сестра, Женя, десять классов, а я училась в школе. Так как вещи мы обменяли на продукты, не было одежды, и мама шила нам одежду из мешков, крася их. Она была мастерица на все руки. Дедушка решил к дому пристроить комнатку и перейти туда жить, а дом продать, чтобы материально лучше жить...».

лод 1932–1933 гг. этот хорошо снабжавшийся город имел весьма «приличную» жизненную статистику) получило первое чувствительное повреждение от довоенных политических репрессий. Число репрессированных котовцев выглядит не столь устрашающе – около 450 человек при 17 тыс. населения Котовска в январе 1939 г. Но их социокультурное качество стало первым подрывом столь плодотворной человеческой комбинации, сложившейся на пороховом заводе от его основания до начала 1930-х гг.

В политических репрессиях 1918–1921 гг. «пороховиков» не было – не за что и незачем. В репрессиях 1922–1934 гг. они появились в доле, меньшей доли населения поселка в населении региона, и то были неквалифицированные работники местного крестьянского происхождения.

В репрессиях от 1935 г. до 22 июня 1941 г. доля репрессированных котовцев в общем количестве «политических» тамбовцев в 2 раза превысила долю котовцев в населении региона. НКВД «выявляло» шпионов и вредителей среди специалистов завода. Поэтому, с одной стороны, репрессии и страх перед ними «вымыли» почти всех уроженцев западных регионов дореволюционной России (они составили 68 % репрессированных котовцев в данном периоде; поляки, латыши, немцы, белорусы, украинцы, молдаване, отчасти евреи), с другой – чрезвычайно больно и безвозвратно (40 % расстрелы, остальные – 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)) ударили по высшим специалистам завода. Почти 60 % котовцев (а это больше сотни людей), исключенных репрессиями в эти годы из жизни, из дома и работы, были инженерами, конструкторами, экономистами, заведующими лабораториями, начальниками производств. Четверо из репрессированных были в 1930-х гг. директорами завода № 204. Репрессивное внимание власти к Котовску лишь усилилось в годы ВОВ: тогда котовцев репрессировали в четыре с лишним раза чаще, чем остальных тамбовцев. Правда, военные и послевоенные репрессии переместились к среднему и низшему звеньям работников и «подчистили» остатки «иногородних».

В итоге «чистка» Котовска политическими репрессиями принципиально обеднила его популяционную палитру, плебейзировала и провинциализировала человеческую «на-

чинку» города в условиях новых массовых приливов из окрестной деревни. Обозначились тенденции «варки» популяции Котовска в «собственном соку» тамбовского сельского производства.

Дальше была война... Как ни странно, она дала ряд положительных социально-демографических эффектов, обеспеченных военными миграциями от эвакуированных и беженцев до местной молодежи, призванной в ФЗУ и РУ, присутствием в Котовске госпиталей, войсковых частей, оседанием в городе демобилизованных военнослужащих из разных регионов страны, властной остановкой разводов летом 1944 г. и т. п. К августу 1943 г. население Котовска выросло на рекордную треть по сравнению с 1939 г., составив 23217 человек.

Но все эти «плюсы» для котовской популяции перечеркивались гигантскими «минусами» небывалых безвозвратных потерь на фронте, помноженных на резкое военное ухудшение качества жизни.

Фронту ВОВ Котовск отдал 2800 своих жителей (16 % населения), из них погибло 1190 человек (42 % армейского призыва, 6,7 % довоенного населения), к тому же из оставшихся в живых не все вернулись домой. 99,5 % не вернувшихся с войны были мужчинами плодородных возрастов (средний возраст погибшего котовца – 30,4 года). По доле призванных в РККА Котовск опередил остальные 5 тамбовских городов, но по доле безвозвратных потерь оказался в середине, уступив много Рассказово (53,1 % погибших в призыве) и немного Кирсанову и Тамбову.

Такое необычное сочетание для города с крупнейшим оборонным заводом было вызвано тем, что, с одной стороны, котовское производство не требовало повышенной квалификации работников, а следовательно, и «брони» от призыва, с другой – специальностями котовских призывников и относительно высоким для небольшого города уровнем их образования, что обеспечивало более щадящие воинские профессии. На это дополнительно (помимо работы в качестве маркера социальной активности) указывает и повышенная доля офицеров среди котовских участников ВОВ. Зная, что подавляющее большинство призванных в Котовске в РККА родилось и даже жило в деревне, а в городе не было военного училища, город дал 12,4 %

офицеров в призыве в целом и 19,3 % офицеров среди указавших местом рождения г. Котовск. Для сравнения в Тамбове подобная «офицерская доля» оказалась около 18 %, в Липецке – 14,6 %, в селах Тамбовского района – 5 %, а отдельно в «материнской» для Котовска и «продвинутой» Кузьмино-Гати – 8,2 %.

Данные выкладки не отменяют общий катастрофический для Котовска (как и для всей тамбовской популяции) социально-демографический формирующий опыт ВОВ. Безвозвратные мужские потери Котовска были громадны сами по себе, остановив воспроизводство в семьях, потерявших мужей, но они также означали, что в послевоенную жизнь вступили когорты котовских женщин в возрасте 18–40 лет, в каждой тысяче которых у шестисот (!) не было мужской пары среди ровесников. Эти женщины прожили свои послевоенные жизни в тяжелом труде на благо страны, будучи омертвленными в демографическом смысле. Такой половозрастной дисбаланс резко понизил для потенциальных иммигранток прежнюю привлекательность Котовска как «рынка женихов».

Война также перемножила действие и других факторов, губительных для котовской популяции.

Отныне и навсегда женщины заместили мужчин на физически тяжелом производстве, на токсическом производстве порохов и пироксилина, к тому же вредные выбросы не ограничивались территорией завода № 204. В войну и много лет после нее проблемы экологической безопасности не были в числе первостепенных ни для властей, ни для общества.

Война обеспечила резкую деградацию питания, жилья, медико-санитарного обеспечения, и до конца 1950-х гг. улучшения в этих сегментах городской жизни были незначительны. Проще говоря, основным видом жилья и через 10 лет после войны был деревянный барак, построенный еще при рождении поселка порохового завода.

Дополнительным ухудшающим фактором стало прекращение подпитки популяции Котовска из «внетамбовских» популяций, да и тамбовские активные эмигранты из прореженного войной села предпочитали перебираться не на котовские заводы, но в крупные региональные центры СССР, а еще лучше – в

Москву и Ленинград. Котовск как цель молодой миграции становился неинтересен. Котовцы сами все больше покидали родной город ради лучшего места жительства и работы.

Указанные перемены в синергизме факторов регулирования популяции не обошлись без отрицательных демографических последствий. Наши опросы женщин позволяют выделить неявные, но очень важные факторы военного и послевоенного подрыва популяции Котовска.

Так, начиная с когорты 1934–1940 гг. рождения и в неизменно в последующих семи 7-летних женских когортах котовские девушки становились плодовитыми (возраст менархе) на полгода–год позже остальных ровесниц (суммарные средние менархе: котовчанки – 14,17 года, остальные – 13,46 года).

Средняя доля котовских женщин 1955–1982 гг. р., в плодovитой жизни которых случались непроизвольные выкидыши, сложилась в 27,3 %, в то время как у остальных ровесниц она оказалась в полтора раза ниже – 18,4 %.

Явно пониженная естественная плодovитость послевоенных котовских женщин и их большие шансы на вторичное бесплодие вы-

нуждали котовчанок к нетипичной, но понятной тактике: вопреки общим трендам они сокращали практику абортov и все больше избегали контрацепции (в среднем у женщин 1948–1989 гг. р.: применение абортov – 52,6 % среди котовчанок, 57,8 % среди остальных; применение контрацепции – 50,4 % среди котовчанок, 69,5 % среди остальных).

Данная военная и экологическая беда популяции Котовска соединилась с общей стремительной послевоенной модернизацией семьи, приведшей к 0,4 ребенка за всю плодovитую жизнь современной горожанки. А во второй половине 1980-х гг. СССР и вовсе покотился к развалу и общему тяжелейшему кризису всего постсоветского пространства. И из лучшего в социально-демографическом отношении места в межвоенную эпоху Котовск превратился в городскую популяцию региона с демографическими показателями кратно худшими, чем в самые тяжелые годы Гражданской и Великой Отечественной войн.

А, может быть, есть шанс на возрождение лидера порохового производства в условиях начавшейся новой «военно-революционной» фазы, и Котовск еще победно повоюет на демографическом «фронте»?

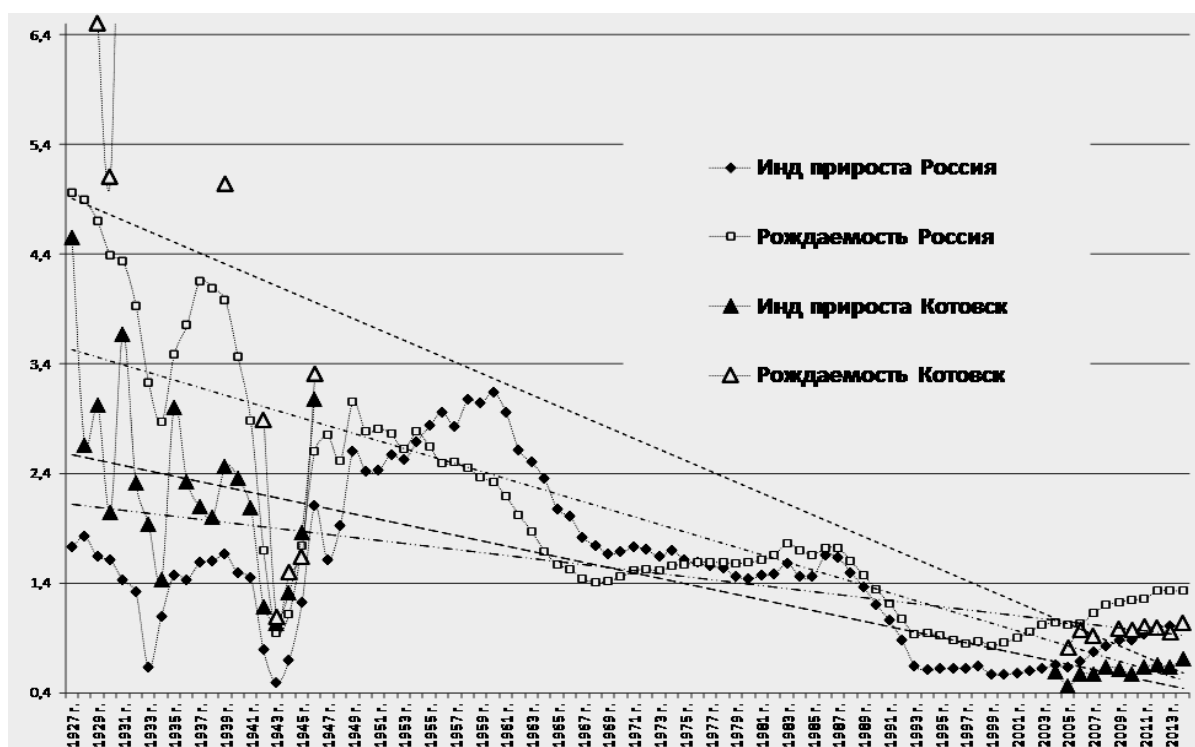

Рис. 5. Сравнительное движение индексов прироста и рождаемости в Котовске и в РФ в целом в 1927–2014 гг. (значения и тренды)

Список литературы

1. Дьячков В.Л. Российская демографическая модель в XX в.: особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 143-147.
2. Дьячков В.Л., Лямин С.К. Развитие городской структуры г. Котовск Тамбовской области в 1914–1950 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 148-157.
3. Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречие в четырех веках социальной истории страны: монография. Тамбов, 2011.
4. Дьячков В.Л. О синергизме падения плодovitости в периоды больших войн: Первая мировая // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 160-182.
5. Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай). Приложение. Карта // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 128-141.
6. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1988.
7. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2699.
8. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4111и.
9. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 9779.

References

1. Dyachkov V.L. Rossiyskaya demograficheskaya model' v XX v.: osobennosti perekhoda ot traditsii k modernu [Russian demographic model in the XX century: the main features of the transition from tradition to modernity]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 12 (152), pp. 143-147. (In Russian).
2. Dyachkov V.L., Lyamin S.K. Razvitie gorodskoy struktury g. Kotovsk Tambovskoy oblasti v 1914–1950 gg. [The development of the urban

- structure of Kotovsk of the Tambov region in 1914–1950s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 12 (152), pp. 148-157. (In Russian).
3. Dyachkov V.L., Trofimova E.V. *Russkoe narechenie v chetyrekh vekakh sotsial'noy istorii strany* [Russian naming in four centuries of social history]. Tambov, 2011. (In Russian).
4. Dyachkov V.L. O sinergizme padeniya plodovitosti v periody bol'shikh voyn: Pervaya mirovaya [About synergies fertility falling in times of great wars: WWI]. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity], 2015, no. 2 (22), pp. 160-182. (In Russian).
5. Dyachkov V.L. Prirodno- i sotsial'no-demograficheskie faktory rosta krest'yanskoy agressii v pervoy treti XX v. (Tambovskiy sluchay). Pri-lozhenie. Karta [Natural, social and demographic factors of peasant aggression growth in the first third of XX century. (Situation in Tambov). Application. Map.]. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity], 2014, no. 1 (19), pp. 128-141. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Socio-political History of Tambov region], fund 1045, list 1, file 1988. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti* [The State Archive of socio-political History of Tambov region], fund 1045, list 1, file 2699. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Socio-political History of Tambov region], fund 1045, list 1, file 4111i. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Socio-political History of Tambov region], fund 1045, list 1, file 9779. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.08.2016 г.
Received 12 August 2016

UDC 930+314.145+316.334.569

SOCIAL-DEMOGRAPHIC PHENOMENON OF THE FIRST 100 YEARS OF KOTOVSK POPULATION BEING OF TAMBOV REGION

Vladimir Lvovich DYACHKOV

Candidate of History, Associate Professor of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: mayormp@mail.ru

Sergey Konstantinovich LYAMIN

Candidate of History, Associate Professor of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: laomin@mail.ru

It is based on traditional (archival vital statistics, official record, diaries, memoirs) and also on new and original (E-Books of Condolence, genealogies, questionnaires) mass sources of social-demographic information processed in E-database. Some key sides of such a unique social-demographic phenomenon as a Tambov powder factory-town Kotovsk case are analyzed. The synergic set of factors, the sharpest agrarian overpopulation of Tambov region in the early XIX century with the imminent higher social aggression (activities) within the regional population, at maximum highly multi population and multiethnic structure of the first Kotovsk generations, a comparatively high living standard in a brand-new industrial settlement alongside with a traditional family model inertia had been brought to and supported in the interwar Kotovsk in the USSR's highest fertility rate, birthrate and natural population increase. For the same was taken Kotovsk first decades' population and displayed one of the highest levels of social impulse and aggression that could be detected by special markers. As Kotovsk population has been accumulating gradually some crucial qualitative and quantitative losses and deformations (heavy human losses in wars and political repression, a transition to a dominant immigration from local rural areas taken together with an emigration of the best segments of home population, a worsening of the ecological pattern at hand with socio-cultural infrastructure stagnation, a transition to a modern family model has overturned the live synergy of the town and has driven Kotovsk demographic indices to the lowest ones in nowadays urban Russia.

Key words: city; village; population; social aggression; synergy of factors; social and cultural activities' markers; mass sources; E-database

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-137-150

Информация для цитирования:

Дьячков В.Л., Лямин С.К. Социально-демографический феномен первых ста лет Котовска Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 137-150. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-137-150.

Dyachkov V.L., Lyamin S.K. Sotsial'no-demograficheskiy fenomen pervykh sta let Kotovska Tambovskoy oblast [Social-demographic phenomenon of the first 100 years of Kotovsk population being of Tambov region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 12 (164), pp. 137-150. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-137-150. (In Russian).